

НАМ НУЖЕН МУЛЬТПРОСВЕТ

О проблемах российской анимации

ПРАВДА ЛИ, ЧТО когда говорят пушки, музы молчат? Правда, ли что когда не хватает хлеба, людям становится не до зрелищ? Сводки с фронтов специальной военной операции на Украине, страсти по энергоносителям и продовольствию отнесли на второй или даже третий план вести с культурных фронтов и баррикад. Может быть, за исключением одновременной массовой миграции разного рода "испуганных" или "застывшихся" "звёзд", а также их продюсеров прочь с российского медианебосклона. Но это, в общем-то, скорее политическое, чем собственно культурное явление, и ничего катастрофичного в нём нет, даже наоборот — ведь ночь, как гласит известная мудрость, темнее всего перед рассветом. Проблема только в том, каким окажется этот рассвет, когда он наступит и наступит ли вообще, не случится ли вместо него, чаемого, крошечная "тьма египетская"?

Сегодня мало кто готов оспорить тезис, согласно которому для отечественной культуры весь период после 1991 года оказался "потерянным тридцатилетием". Совсем недавно то же самое выглядело справедливым и для отечественной истории и экономики в целом: пока весь мир, согласно официальным данным, динамично развивался, Россия всё топталась на месте, не в силах достичь собственного уровня 1990 года и, казалось, "отстала навсегда". Даже Португалия с задворок "единой Европы" одно время представлялась недостижимой мечтой. Про былые "догнать и перепнуть Америку" вообще речи не шло. Тем более и особенно — в сфере смыслов и целей, то есть информации высших ценностных уровней.

Почти треть века назад "общечеловеки", уважающие высокую американскую культуру в виде долларовых банкнот как базы квалифицированного потребления и прочих рыночных компетенций, начали править бал во всех сферах российской жизни: от экономики до науки, образования и медицины. Сфера культуры и искусства исключением из общего правила не стала: здесь была сформирована, если следовать общепринятой терминологии, абсолют-но компрадорская система, в рамках которой продвижение на рынке каково-нибудь идеального продукта (текста, изображения, аудио- или видеоматериала и т. д.) в принципе ничем не отличалось от продвижения колы, гамбургеров, прокладок или стиральных порошков.

Разумеется, с поправкой на специфику товара. Поскольку продукция мас-культуры (и массмедиа), помимо прочего, должна была ещё и рассчитывать в целевых обществах площадку для карго-культа "американской мечты" и "общечеловеческих ценностей" в целом. Чем она долгое время с успехом и занималась во всём мире, закрепляя статус США как глобального лидера и параллельно американского доллара в качестве "валюты номер один". Одной из главных армий на этом медиакультурном фронте в течение почти целого века являлась армия, созданная Уолтом Диснеем и его преемниками в рамках Walt Disney Company. Эта армия в своём роде являлась не менее мощной, чем 6-й флот США, в её составе были свои авианосцы, стратегические бомбардировщики и крылатые ракеты, свои генералы и рядовые.

Ряды этой армии непрерывно пополнялись всё новыми и новыми контингентами и системами вооружений, всё новыми и новыми образами. Причём армия Walt Disney была далеко не единственной в своём роде — наряду с ней действовали и другие мультимедийные корпорации, типа WarnerMedia, Columbia Pictures и другие. До поры до времени вся эта система работала более-менее безотказно и, перефразируя известное изречение, можно было сказать: "Оттуда, где ступила nogа Walt Disney Company, Америка уже никогда не уйдёт!"

НО ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ. Образ "американской мечты" всё дальше расходящийся с реальностью, и удержать две эти сущности в одном — даже, казалось бы, безразмерном анимационном — камуфляже, усиленном компьютерными технологиями, становилось всё сложнее. И это касало-сь уже не только собственно "диснеевской" продукции, но всего западного медиадискурса в целом. После бомбардировок Югославии в 1999 году стало понятным, что "конец истории" с переходом всего мира в глобальный либе-рально-рыночный "рай" не состоится. После кризиса 2008 года подозрения в том, что этот "рай" — не более чем мираж посреди стремительно растущей пустыни, стали появляться у всё большего числа людей и даже народов. В нашей стране, с её далеко не всегда успешным, но многолетним и богатым опытом противостояния коллективному Западу — тем более.

Поэтому когда стало известно, что корпорация Walt Disney намерена экра-низировать — конечно же, на свой лад! — русские народные сказки (а был это 2016 год и "Последний богатырь"), невольно подумалось: что-то здесь не то, что-то у наших западных "партнёров" пошло не так. Если до того, с пере-строечных времён начиная, Запад в отношении России проводил политику вытеснения советской и русской культуры, активно и по всему фронту про-двигая свой медиакультурный стандарт, то теперь речь зашла уже совсем о другом — о попытке подменить и отменить само наше культурное наследие, создать его западную версию.

Видимо, в глобальных "центрах принятия решений" после "войны 08.08.08", а особенно — после Крымской весны, создания народных республик Донба-са, а также начала российской военной операции в Сирии упустили: цивили-зационную матрицу Русского мира не удалось при помощи медиакультурного блицкрига свести к нулю и закатать в западный хайвай, ведущий к "концу исто-рии", — нет, эта матрица продолжает существовать и, более того, определять настроения и действия большинства населения России. Широко известную картину художника-"мультиреалиста" Николая Колепикина "Война миров" (2009) можно считать культурным манифестом данного факта.

Микки-маусы, томы и джерри, чипсы с дельями, макады и прочие супер-мены, которых днём и ночью крутили по российскому телевидению чуть ли не все годы Перестройки, рыночных реформ, да и путинской стабили-зации тоже, — в итоге, тем не менее, "своими" для нашего общества и его подрастающего поколения так и не стали, заняв своё место в очереди где-то за гулливерами, робинзонами крузо, винни-пухами и карлсонами в их советских "переводных" реинкарнациях. Это было не только расширение отечественного культурного пространства, но и, как выяснилось, хорошая прививка на будущее.

Совсемно, и с продукцией того же Walt Disney советские граждане, как отмечается, были ознакомлены достаточно давно: "Танец скелетов" (1929) демонстрировался в кинотеатрах СССР уже в 1930 году, и эволюция признан-

ного гения мировой мультипликации происходила не только на глазах его со-ветских коллег, но в достаточно тесном, хотя по преимуществу и заочном, вза-имодействии с ними — причём далеко не одностороннем. А то, что в развитие искусства, как всегда, очень быстро вменялись большие деньги и большая политика — это уже немного другая история...

Кстати, сама идея "вестернизировать" русский фольклор далеко не нова. И появилась она не вчера. И даже не тридцать лет назад — ей уже чуть ли не три сотни лет. Проблема только в содержании и в технологиях этой са-мой "вестернизации". При Путине в начале XXI века они сильно отличаются от того, что было при Петре I в начале века XVIII-го. Хотя общие принципы междоцивилизационного взаимодействия за это время изменились не сильно. Когда-то известный отечественный "западник" Александр Герцен высказался в том смысле, что на петровские реформы Россия через сто лет ответила явлением Пушкина — "солнца русской поэзии", которого Гоголь охарактери-зовал как русского человека в его развитии, в каком он явится, может быть, через двести лет, а Достоевский — как выразителя русского национального духа, "гения всемирной отзывчивости".

Но, наверное, в этой связи не стоит забывать, что до Пушкина, правнука петровского крёстного сына Авраама Ганнибала, таким же ответом России на петровские реформы был Ломоносов, из архангелогородского крестьянина ставший одним из крупнейших светил тогдашней мировой науки (и искусства тоже). И "золотой век Екатерины", когда, как утверждалось, ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без разрешения из Санкт-Петербурга, тоже был следствием петровских реформ.

До Семилетней войны шуваловские "единороги" тоже воспринимались в Европе, говоря современным языком, "мультиками" наподобие путинского "ти-перзвукa" и других новейших систем вооружений. Но очень скоро и триста лет назад, и сейчас выяснилось, что эти "мультики" быют по-настоящему и очень сильно. Не говоря уже о поставках сырья, необходимого европейской эконо-мике той эпохи...

РЕЧЬ В ДАННОМ СЛУЧАЕ идёт не об исторических аналогиях как та-ковых, а о способности Русского мира не только осваивать передовые зарубежные технологии, но и создавать собственные. В том числе — кон-курентные по отношению к медиакультурной индустрии нынешнего коллектив-ного Запада во главе с США, в том числе — продукции Walt Disney и других лидеров данного рынка.

В данном отношении необходимо, но явно недостаточно только критико-вать подобную продукцию, которая пытается мимикрировать под "свою" для России. Конечно, слова режиссёра "Последнего богатыря" Дмитрия Дьячен-ко: "Взяли известных персонажей, знакомых каждому с детства, и взглянули на них под другим углом", — лукавы. Поскольку ничего не говорят о том, под каким "другим углом" эти герои (а для режиссёра — вовсе не герои, а лишь персонажи) русского эпоса взяты и почему? Проявление свободы творче-ства или выполнение выгодного контракта по заказу? В данном отношении можно полностью согласиться с пафосом одной из патриотических рецен-зий на фильм "Последний богатырь": "Я не хочу видеть "русские" фильмы о подлещих-богатырях и благородном Кощее". Но, конечно, кроме негатива, вполне оправданного, должен быть и позитив. Его не так много, но он есть. Всем памятные призывы западных массмедиа запретить российский мульти-пликационный сериал "Маша и Медведь", с его миллиардами просмотров по всему миру, как "путинскую пропаганду" — вполне в русле набирающей силу на Западе "культуры отмены" не только всего русского, но и собствен-ной культуры и истории. Не менее памятна история другого отечественного мультсериала, "Смешарики", который западным "дискурсмонгерам" удалось, условно говоря, перекупить.

Эти "мультиистории" в полной мере монтируются с ограничениями и запре-тами на деятельность за рубежом российских медиаканалов Russia Today, Sputnik и других, дискриминацией российского контента на площадках бо-льшинства глобальных соцсетей. Но они же показывают, что в "свободной кон-куренции" с российскими альтернативами западные образцы вовсе не гаранти-рованы от поражений и не "обременены на победу".

Конечно, для этого необходимо обеспечить собственные схемы финан-сирования, собственные технологические цепочки (приделать к говорящему ослу из "Щрека" горб и выдать его за конька-горбунка, как это было сделано в фильме 2021 года, созданном при участии Columbia Pictures, — та ещё культурно-генетическая "мутация") и относиться к этой работе всерьёз, не превращая её в дорогостоящую халтуру, как это сделано, например, в "све-жем" и претендующем на патристичность полнометражном, 80-минутном анимационном фильме "Суворов. Великое путешествие", где героические моменты отечественной истории поданы как переполненные штампами, в том числе "диснеевскими", фантази-фарс, или, вернее, фантази-фарш, ко-торый "невозможно повернуть назад" — взять хотя бы эпизод, в котором карета главного героя в одну лошадиную силу, словно танк, сметает на своём пути всю линию вражеских орудий...

Диалоги, исторические карты (например, какая Польша в 1799 году?), факты, сам сюжет — всё это взято из какой-то "параллельной вселенной". Конечно, кажется, что можно работать и так, но так работать нельзя. Возвра-щаясь к проведённой выше аналогии постсоветской современности с "пост-петровской" эпохой, можно сказать, что передовые на тот момент технологи-и в сфере культуры, искусства и особенно литературы в Российской империи тогда только осваивались, в том числе и самым халтурным образом. Но это — болезни роста. Кстати, швейцарь "Последнего богатыря" от Walt Disney; "Последний богатырь: Корень зла" и "Последний богатырь: Посланник тьмы" никаких рекордов по кассовым сборам в России уже не достигли. И надеюсь, что в итоге всё у нас получится. Сумели в реальном мире — должны суметь и в мире образов.

Георгий СУДОВЦЕВ

Иллюстрация: Осёл из американского мультфильма «Щрек» (2001) и Конёк-Горбунок из российской одноимённой анимационной ленты (2021) оказались подозрительно похожими, особенно это заметно по движениям компьютерной мо-дели. Разве это нормально?

*сила в правде и в единстве
хоть по-русски хоть по-украински
сорок пятый и правда чистая
глаз не прячем надо выстоять*

Я страшно далёк от рэпа, но многие составы и личности этой субкультуры мне известны не только потому, что на слуху. Но если ты не замыкаешься в тесной раковине однажды выбранных предпочте-ний и не пропускаешь многое, как товарищ Дми-триев. И, соответственно, не делаешь поспешных (и ложных) выводов.

Что касаемо центральноазиатского рэпа, разумеется, я был в курсе существования казахского Скриптонита и, например, такого монгольского кол-лектива как Ice Top. Однако существование киргиз-ского рэпа (L'Zeep, Bakr, Ulukmanapop) приятно уди-вило — его особенностями являются прежде всего сложные речевые обороты и аллегории, что ведёт к появлению глубоких, насыщенных текстов.

Немудрено — эпос о Манасе, который лежит в основе киргизской традиции, является самым длинным эпосом в мире: он в два раза больше, чем древнеиндийский эпос Махабхарата, больше тибетского эпоса о царе Гэсэре. И тем более от-радно, что киргизские исполнители в рамках попу-лярной субкультуры не отрываются от нашей об-щей истории и, не отказываясь от своей традиции, не отказываются и быть частью и наследниками Русского Мира.

Как бы ни хотелось обратного нашим вра-гам — но на связи Сургут и Бишкек.

Сергей ЗАГАТИН

* Лицо, выполняющее на территории РФ функ-ции иностранного агента

БЫТ ИЛИ НЕ БЫТ?

Выставка в Музее Москвы

"Не шалю, никого не трогаю, починяю примус".
Кот Бегемот

Я ТАК ДАВНО ЖИВУ, что помню пустоватый, практически безлюдный Интернет, где не было ни "Ютюба", ни соцсетей, ни блогосферы. Юно-шам не понять, как это мы — ископаемые существа из Кайнозойской бестииария — жили без интернет-до-ставки пищи да роллов, музыки во "ВКонтакте" и без самого "ВКонтакте". Мой первый мобильник смахивал на радио и в нём не водились клипы любимых групп!

Да что там! Я держала в руках чугунную электро-защельницу, дедушкин приёмник "Москва" и мамыны катушечные магнитофоны. "Мне триста лет, я выплз из тьмы", — как пел кудрявый бард, ныне спятивший. Моему поколению, родившемуся в начале 1970-х, по-везло — мы застали смену технологических вех. Мы понимали, что такое примус, хотя бы по романам Иль-фа — Петрова и Булгакова, мы печатали фотографии в ванной комнате и знали, какое отношение может иметь карандаш к аудиокассете. Юные друзья, вы ни-когда не перематывали кассету при помощи карандаша — вам не понять! Однако мы, пройдя увлечение VHS-видеоками и проигрывателями CD-рофов, освоили и заселили Интернет — мы были первыми "тысячни-ками" LiveJournal-a, который нынче скорее мёртв, чем live. На нас и с нашим участием опробовали всё, вклю-чая тотальную цифровизацию. "Тётенька, а вы видели Сталина?", — этот вопрос уже задают и мне, потому что я смотрела чёрно-белое телевидение. Следующим вопросом будет, умею ли я разделять тушу мамон-та. Века пресутуются, и мой компьютер с Intel Pentium II — такая же смешная древность, как щипцы для колки сахара, керосинка и патефон.

Кстати, имя "патефон" происходит от лейбна Pathé, причём используется только у нас, ибо фирма "Патэ" продвигала "Усовершенствованный, портативный граммофон" именно в Российской империи. В 1910-х это было "шик, модерн и блеск", равно как абонентская "ячейка" на телефонной станции, где барышники сидели за коммутаторами. Сейчас это где-то рядом с моим двухкассетником Sony. Туда же — серебристо-пламу-рные мобильники начала 2000-х, предзнаменовавшие только для звонков и тсеселавия.

Обо всём этом можно порассуждать на выставке "Дом быта", проходящей в Музее Москвы. Быт или не быт? Вот в чём the question. Человечество, соверш-няя и, как ему кажется, упрощая жизнь, по факту её усложняет или же создаёт мега-трудности иного сорта. Типичный случай, когда компьютерный сбой влечёт за собой остановку процессов. Цивилизацию можно вы-рывать нажатием кнопки (и необязательно ядерной!), о чём повествуют голливудские "армагеддоны", а без-рукость современных школьников сделалась притчей во языцх. Нет электричества — нет "хомосапиенса".

ЭКСПОЗИЦИЯ — беседа о времени и о себе. О каждом. О том, что любая сверхактуальная кру-тизна уже завтра делается бабушкиным хламом, а послезавтра — музейной реликвией. Больше того — смелая фантастика превторена в жизнь, просто мы этого не замечаем. На одной из выставочных витрин красуется кибер-доставчик Яндексe, уже использо-ванный в районе Хамовники. В повести "Толдены, XXII век" братья Стругацкие предсказывали доставку еды и промышленных товаров: "Рано утром Женю Славына разбудило фыркание тяжёлого вертолётa. Он вскочил с постели и подбежал к окну. Он успел заметить синий фюзеляж вертолётa с надписью большими белыми буквами: "Доставка на дом".

Герои "Полдня..." философски рассуждали о том, что кибер-дворники и кибер-садовники — это высо-бождение человека разумного из плена физического труда. На стендах — цитаты из утопий и антиутопий. Восторг Ивана Ефремова и ужас Олдоса Хаксли, сдер-жанный оптимизм Лема и предостережения Брэдбери. Прошлое, настоящее и будущее сливаются в едином потоке. Музей Москвы умеет создавать настроение. Все его проекты воздействуют на подсознание, бережат чувства и включают память. Экспозиция представляет собой этакий лабиринт воспоминаний и разделяется на отсеки: Гостиня, Кухня, Работа и Хобби, Игра, Инфор-мация. В таинственной нише — "древние" советские компьютеры, вроде ПК "Нафаня", поименованного в честь домового из мультяки. Как мило это выгляди-т!

Но вернёмся в Кухню, где примус 1920-х и печь СВЧ 1980-х находятся в одной плоскости, а фоном распо-ложены жестяные коробочки из-под чая, керосинка, термос, советская "вечная" мясорубка и пара кофемо-лок. Здесь же — часы, ваза, чайник. Свидетели времён. Каждый из них, как в сказках Андерсена, мог бы ска-зывать байки. Вот причудливые, как сам стиль ар-нуво, кофеварки и яйцеварки — ещё не электрические. Щип-чики для цитрусовых, вилочка для сардин — трапеза почиталась действом.

В 1920-х придёт унификация. Юрий Олеша в ро-мане "Зависть" воспевал комбинат питания — "дом-лиглант, величайшую столовую, величайшую кухню...", и функционер Бабичев изъяснялся как положено — мыс-ле-паузгами: "Слушайте, хозяйки, ждите! Мы обеща-ем: кафельный пол будет затит солнцем, будут го-реть медные чаны, лилейной чистоты будут тарелки..." Подразумевалось отрицание личного быта в пользу общественного и конвейерного. Делалось это не только в СССР но и в Америке. На одном из экранов — знаме-нитый отрывок из фильма "Новые времена" Чарли Ча-плина, где его героя используют в качестве подопытной особи для "аргетата машинного кормления". Чаплин обличил идею автоматизации, доведённую до абсурда.

XX век — это вечные колебания между отказом от "мещанства" и обрастанием вещами. Вот амери-канские тостеры 1930-х, там — первый советский кухонный комбайн 1957 года, а поодаль — холодиль-ник ЗИЛ с его обтекаемыми формами. Как показала практика, человек не терпит обобществления и ко-ммунальной "дружбы". Каждому хочется иметь свою кухнюку, пусть и в хрущёвке.

На выставке мы узнáем массу нового и парадок-сального. Так, впервые об использовании микроволн

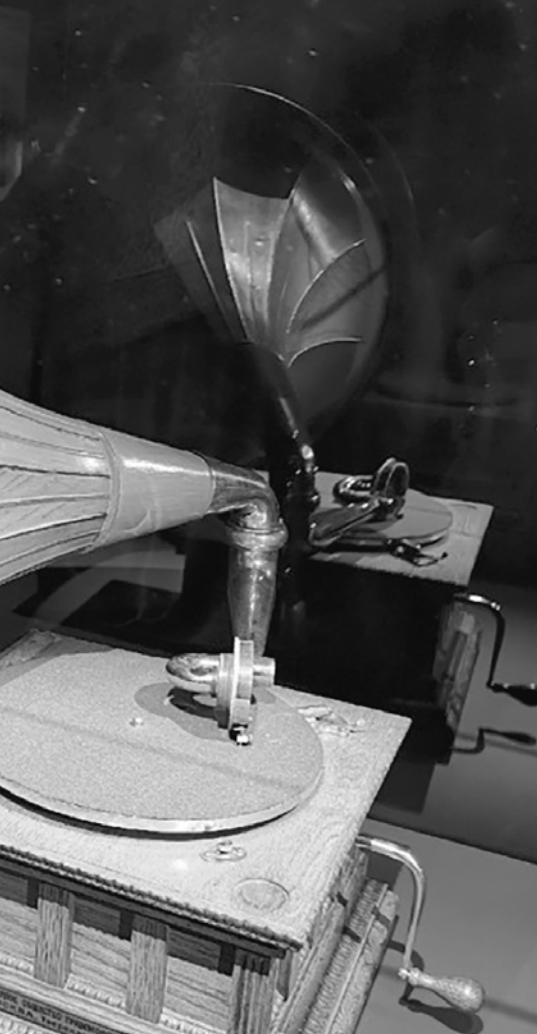
в кулинарии высказался фантаст Владимир Владко в повести "Чудесный генератор". Правда, писатель трак-товал это гораздо шире и свободнее: "Шипение гене-ратора напоминало о том, что Роме оставалось всего четверть часа; а ещё надо было облучить мясо — за-мечательный кусок поджаренного мяса, которое, межд-у прочим, было бы очень неплохо съесть и запить уже облучённым молоком, которое стояло тут же на столе. Хотя, правду говоря, он совсем не был против того, что-бы вкусно позавтракать, однако, такие мысли даже не беспокоили Рому; ведь перед ним была не еда, а не-тронутые объекты научных опытов".

Пространство, посвящённое работе и хобби, — это швейные машинки, в том числе "Зингер", журналы мод, выкройки, фотоаппараты и приборы для домашней фотопечати, школьный конструктор для уроков труда. Рядом игрушки: советские пусы с добрыми лицами, юла, солдатки и машинки. Все женщины умели шить, вязать, а некоторые знали волшебство под названием "фриволите" и "ришелье". С этим пытались бороться в 1920-х, когда объявили кружева и цветастые платья буржуазным стилем, предлагая экспериментальные одежды Варвары Степановой и Людмилы Поповой. Унификация и униформизация были осмеяны не од-ним лишь Евгением Замятиным, но и Олдосом Хак-сли — его гедонистический Brave New World так же не терпит разнообразия, как и сурово сплочённые когорты из романа "Мы". Кроме того, "Дивный Новый мир" пред-почитал бесконечную покупку нового тряпья, ибо слога-ны орали: "Лучше новое купить, чем старое носить!" и "Прорехи зашивать — беднеть и горовать!"

Один из центральных экспонатов — смешной и мон-струозный мультфильм "Властелин быта" Александра Птушко, где привязанные к деловым сундукам и традициям рисовалась как... антитеза гигиене. Но как ни сражались культуртрегеры, быт украсили круже-выми "подзорами", салфетками и скатертями.

Пространство "Гостиня" оформлено с иронией: помимо телевизоров, магнитофонов и радиол явлены хрустальные бокалы — символ позднесоветской бла-гоустроенности. Настрадавшись по коммунальным углам и наслушавшись о лаконичной эстетике грядущ-его Коммунизма, наш человек захотел противополо-жного — мебели фасона "стенка" с баром, японско-го Sharp-a и чешского хрустала. Забавно и печально, что сию искрящуюся роскошь наследники выносят на помойку, а самые депривные — продают через "Ави-то" за копейки.

Зато нынче бум "тёплой", "ламповой" техники, у ко-торой полно ценителей во всех странах мира. В Аме-рике граммофон 1890-х в рабочем состоянии может стоить до полутора тысяч долларов. Виниловые диски определённых фирм считаются раритетом. На стенде расписана вся история звукопроизводства — от шарманки до современных носителей. "А теперь из-

вольте: снова очастливлено человечество, подарили американцы миру особую машину — диктофон. Конеч-но, может, эта машина несколько и раньше придума-на, но нам-то прислали её только что, а именно в 1920 году", — подтрунивал Михаил Зощенко.

Особый восторг вызывают громоздкие аудиосисте-мы 1950-х годов — с приёмником, проигрывателем и магнитофоном в едином деревянном корпусе. Технари всегда выдумывают компактные, полифункциональ-ные штуки. Мы так устроены: любим, чтобы всё "в од-ном флаконе". XX век с его бешеным темпом породил кухонные комбайны, магнитофоны, гибриды телевизора с радио, а японцы из Seiko встраивали в электронные часы крохотный телеэкран. Квинтэссенцией мечты сделался айфон — небольшая пластинка, где сосре-доточены связь, музыка и прочие развлечения. Глядя на телефонные аппараты XX столетия, понимаешь, как появляется смешной мотив для фантастической пове-сти: как бы мы креатировали в детстве на предсказание о том, что мы будем смотреть кино по телефону?

Отдельный зал — о быте без... быта. Простоватый "умный дом" был явлен ещё Жюлем Верном в рас-сказе "Один день американского журналиста в 2889 году", написанном в год открытия знаковой Всемир-ной выставки Exposition universelle de Paris — 1889. Великий фантазёр думал масштабно: "В доме всегда наготове ванна, мне даже не нужно выходить из ко-мнаты. Видите эту кнопку? Достаточно её коснуться, и появится ванна, наполненная водой, нагретой до тридцати семи градусов".

Изобретательство — это не столько игра ума и стремление к вершинам духа, сколько желание мак-симально облегчить мытьё в ванне или приготовить котлет. В данном разделе — сплошные цитаты и выводы, а дело венчает фраза братьев Стругацких: "Какой смысл говорить о будущем? О будущем не го-ворят, будущее делают". Впрочем, есть и продолже-ние: "Один умный человек сказал, что будущее нельзя предвидеть, но можно изобрести". Однако всегда стоит помнить, что "умный дом" — это коварная вещь, как и тот "аппарат для кормления", что постоянно бил героя Чарли по физиономии.

Галина ИВАНКИНА

На фото: граммофон «Пишущий Амур» (Германия, 1908). Эта модель изготавлива-лась компанией — гигантом звукозаписи Gramophone специально для российского рынка, который давал чуть ли не больше половины всех европейских заказов. В од-ном из филиалов (а их у Акционерного об-щества «Граммофон» в Российской импе-рии было несколько: Москва, Тверская, 26; Санкт-Петербург, Морская, 49; Харьков, Ни-колаевская площ., 18; Тифлис, 9; Омск, Люблинский пр., д. Ганшинских) с покупателем оформляли специальный контракт, сулив-ший 25%-ю и более выгоду. С целью рас-ширения аудитории проводили конкурсы и выпускали тематическую периодику.

ИМЕЮЩИЙ широкую известность в узких кру-гах автор телеграм-канала "Русский Ориента-лист" востоковед и одессит Игорь Дмитриев недавно не без горечи провозгласил тезис, что украинская музыкальная культура (и в целом то, что можно назвать телешоу) живее и интереснее, чем в России.

И далее Дмитриев продолжил свою мысль так: "Я уверен, что во многом из-за нашталино-вой российской официальной культуры РФ пол-ностью потеряла русскоговорящую молодёжь за рубежом. И со временем это привело к войне. Реально. Без преувеличений. Федеральнй те-левизор, например, Эрнст, вместо того, чтоб экс-периментировать и давать площадку для новых артистов забетонировал пьедестал под усло-вную Аллоу Пугачёвой, а молодёжная культура ушла в андерграунд. "Ленинград" и Моргенштерн" мне видятся здоровее, чем многолетний Газма-нов на 23 Февраля".

С одной стороны, если руководствоваться фор-мальными признаками, сожалеания Дмитриева имеют под собой почву, достаточно посмотреть на цифры просмотров всяких второсортных украин-ских ВИА на Ютубе.

С другой стороны, не всё так однозначно, дру-зья. Как Кобзон в конечном итоге вистую уде-лал Сиду Вишеса, так и реальная музыкальная жизнь Русского Мира уделявать наглухо вторич-ную, пусть и напевную, украинскую музыкаль-ную культуру.

Я сейчас даже не буду касаться классической музыки, хотя существование и активная деятель-ность, например, пианистки Валентины Лисицы и скрипача Петра Лундстрема, приводит в клин любой истинно украинский мыслительный орган. Отказаться от мировой карьеры ради каких-то

РЭП НАШ

На связи
Сургут и Бишкек

"ватников" в Мариуполе? На этом моменте украин-ского культурного деятеля, за пригоршню долларов готового отказаться от матери, обычно хватает апо-плексический удар.

ПРОЙТИ МИМО целого пласта музыкаль-ного материала, который рождается здесь и сейчас, по велению нового времени, зачастую вообще без бюджетов, — это даже хуже, чем обычная вкусовщина, это узость кру-гозора и ненадобность. При этом далеко ходить-то не надо. Пример — не так давно посещал родителей, обратно ехал с водителем-киргизом, разговаривали обо всём. В первую очередь — о том, какой нехороший чело-век Горбачёв, разваливший Союз. В ответ на моё прямое утверждение, что в Киргизии и Казахстане не всё ладно с местными националистами, во-дитель разволновался и поставил трек Парома и L'Zeep'a "Я помню".

Паром — Павел Романюк из Житомира (ныне проживает в Сургуте) и L'Zeep — Медер Кадыров из Бишкека. Попробуется, — Романюк и Кадыров, украинец и киргиз, — вместе выступают против неонацизма и за общую историческую память.